

Капитан Иван Коч...

РОДИТЕЛЬСКИЙ ЧАС

НЕ БОЙТЕСЬ РАСТРЕВОЖИТЬ ДУШУ!

В ЛЕНИНГРАДСКОМ театре юных зрителей возле одной из комнат можно прочитать надпись: «Педагогическая часть». Здесь хранятся папки, битком набитые письмами. Зрители, дети и взрослые, пишут театру... Я читала эти письма — умные, трогательные, смешные — и вдруг наткнулась на знакомую фамилию. Неужели Галка? Адрес на конверте развел сомнения. Письмо написала моя соседка, семиклассница:

«Удивительно, сколько хорошего может сотворить человек, если в нем проснулось чувство и доброта, если пропало равнодушие. Один человек сумел преодолеть себя и взяться за работу, другой темной ночью помчался за цветами для жены, в третьем пробудилось достоинство. И все это сделали добрые чувства Дюшана, мальчишки, которому совсем немого лет. Эх, если бы мы все могли так — не только что-то понимать и чувствовать, но и как-то воздействовать на других».

Это письмо было написано после «Весенних перевёртышей» — спектакля о Галкинских повстанцах, о взрослении юной души, о мужестве и любви.

Через несколько дней я столкнулась на лестнице с Галкиной мамой и не смогла удержаться:

— Лариса Алексеевна, как вы у нас Галка выросла — такая, восприимчивая, как серьезно думает о жизни... Лариса Алексеевна удивилась:

— О чем это вы? Я рассказала.

— Как же, помню, они с классом в театр ходила. Она и мне с отцом предлагала билеты, да некогда, знаете... Я ее спрашивала: понравился спектакль? Ответила: понравился. И весь разговор. Нет, не может быть, что это она написала, у нее же мультики да каток за уме. А тут добро и зло, смерть, Весенние...

— А вы пробовали с ней говорить о чем-то таком?

— Да ей же всего тринадцать лет, зачем ей лишнюю голову забивать? Пусть лучше об уроках думает.

На этом мы и расстались. А потом мы с Галкой случайно вошли в один троллей-

бус. И мне, и ей ехать предстояло далеко, мы разговорились. Я уже знала, что пряталась за ее совсем еще детской внешностью, и разговор старалась вести серьезный. Мы говорили о равном, но особенно запомнилось мне вот что:

— Я в шесть лет уже понимала все, как взрослая. Честное слово! А мы и сейчас чуть что: ты этого не поймешь, ты в этом не разберешься.

Галка не стала продолжать: видно, почувствовала, что лезть на рога родителей. А я подумала: сколько же раз эта деликатная девочка сама была обижена, сколько вообще мы обижаем детей своим недоверием к ним! Мы по задумываемся, что в восемь, в десять, в двенадцать лет это уже люди, которые «все понимают», все чувствуют.

Ленинградский ТЮЗ в это перит. И потому не только не боится в полный голос говорить о серьезном и важном в жизни — вообще в жизни, а не какой-то особенной, отдельной, детской жизни, но настаивает на необходимости говорить об этом с детьми и в театре, и в школе, и дома.

На программе спектакля «Открытый урок», который театр показывает только родителям, написаны слова Януша Коришка: «Мысли у детей не меньше, и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие... Поэтому нам так трудно найти с ними общий язык; поэтому нет более сложного искусства, чем умение с ними говорить».

Трудно найти с детьми общий язык — это мы знаем и горой, убоявшись трудностей, просто не ищем его. И даже не пробуем учиться у тех, кто этот язык находит, — у писателей, педагогов, у театра, наконец! Ведь стоит только услышать тишину детского театра, захваченного театральным

действием, увидеть глаза ребят, прочесть письма, которые они пишут после спектакля...

«Театр должен заставить думать, растревожить душу, обеспокоить, а остальное вы сделаете сами, — сказала на одном из встреч с родителями главный режиссер ТЮЗа народный артист РСФСР Э. Я. Корогодский. — Но для того, чтобы сделать это «кастально», нужно освободиться от недоверия к детям, быть с ними духовно вместе, знать, что они читают, какие фильмы смотрят, какие спектакли любят, — и тогда большие и сложные темы для разговора появятся сами собой».

Спектакль «Тимми, ровесник мамонта» — фантастический. Увлекательный сюжет: машина времени переносит мальчика из каменного века сразу в XXI век. Я читала письмо шестиклассницы Сашки Васильевой. Запоминающаяся фабула не укрывала от девочки главного — проблему доброты и человеческого участия. Саша разглядела даже такую, казалось бы, несуществующую проблему, которая сегодня волнует многих взрослых, — проблему взаимоотношения техники, технического прогресса и морали. Можно ли говорить об этом с шестиклассниками? Можно, — отвечает театр: А мы, случается, считаем, что какие-то вопросы для них сложны, и отказываемся их обсуждать, но это ведь не значит, что дети откажутся об этих вопросах думать. Они обращаются к книгам, к театру, к другим людям, а между нами и ними появляется расстояние, преодолеть которое потом не всегда легко.

Ведь зная Галка своих родителей в театр, хотела, чтобы были они вместе в этот вечер, но им было жалко времени на «детский» спектакль. И вот только случайно узнали они,

какая духовная работа идет в какой девочке, о чем она думает, как растет. И не к ним обращены были ее слова, не с ними она делилась своими чувствами и мыслями.

«Однажды вечером по делам я зашла в незнакомую до этого семью. Не успели мы разговаривать с хозяином дома, как в дверь заглянул сын: — Пап, можно тебя на минуточку?»

Виктор Никифорович вышел. Вернулся в смущении:

— Не поговорите ли вы сначала с женой? Мне нужно часок с сыновьями познакомиться.

Зоя Петровна объяснила без обиняков:

— Это они телевизор сели смотреть. Сегодня же «Великая Отечественная». Виктор в лобную мальчишкой был и ни одной книги, ни одного фильма о войне не пропускает. И Олега с Сашей пригласил. Я ребята уговаривала: «Посмотрите сегодня сами, отец и завтра утром успеет — суббота же. Видите, он сейчас занят». Так нет, твердят: это будет не то.

Тут она стала серьезной: — Я их понимаю. Да и вы, наверное, знаете: можно смотреть молча, ничего не говорить, но как-то ощущать, что чувствует человек, который рядом. И им важно, чтобы это был именно отец. А после картины еще и обсуждение начнется. Мы иногда по три часа спорим.

«В этот вечер я была свидетельницей такого разговора. Конечно, он в связи с присутствием чужого человека шел не так бурно, но было видно, что стороны при некоторых расхождениях во взглядах и оценках сохраняют уважение друг к другу, говорят без скидок на возраст и недостаток знаний. Речь шла о мужестве и страхе, о героизме и осторожности, о терпении, словом, обо всем, с чем сталки-

вался человек на войне. И Виктор Никифорович ничего не упрощал, он иногда только как бы в скобках объяснял значение какого-нибудь термина, а слушая, порой останавливался смышлей: «Поточнее, не понял».

И тогда мальчишки обращались к авторитетам: к Симонову и Жукову, Штегменко и Быкову. А Олегу — учителю — едва исполнилось двенадцать, Саше — четырнадцать...

«Этот разговор для учителей, зачем выносить эти вопросы на обсуждение непосвященных», — так говорит учительница в вашем спектакле. Значит, что же, коли непосвященный, так и думать не смей? Я еще школьница и, наверное, отношусь к «непосвященным», но поскольку отношусь к существам разумным, то, извините, не думать не могу!» — пишет после спектакля «Остановите Малахова!» девятиклассница Анна Заглубская. Пишет запальчиво, так, как будто услышала эти слова не со сцены, а в жизни и обращены они были к ней лично. Театр признает это право подростков справедливым и говорит с ними на равных.

«Остановите Малахова!» — это спектакль публицистический. Здесь, не сглаживая углов, ведется разговор о беде ребенка, обделенного любовью, о тех, кто своей холодностью, бездушием, нежеланием увидеть в другом человеческое, вполне или невольно ожесточив мальчишку и толкает его к преступлению.

«После спектакля я поняла, почему такие, вовсе непопулярные подростки становятся престоупниками. С Малаховым я сталкивалась в жизни, только его звали по-другому. Я смотрела пьесу об Андрее, а видела моего знакомого и впервые пожалела по-настоящему, что не смогла остановить его»,

Здесь уже не просто раз-

растревожившая, здесь — растревожившая душа, переживающая чувство вины и ответственности.

Я читаю письма, и хочется их цитировать без конца; потому что почти в каждом конверте хранятся строки, написанные под влиянием разбухшей мысли, глубокого чувства. Но написанные неустойчивым почерком листки выкаивают и тревогу: а вдруг только как бы в скобках объяснил значение какого-нибудь термина, а слушая, порой останавливался смышлей: «Поточнее, не понял».

«Кто из вас может вспомнить, когда говорил со своим ребенком на серьезные темы хотя бы полчаса? Такой вопрос задала на родительском собрании одна классная руководительница — речь шла о восьмиклассниках. В ответ поднялся едва ли десяток рук. Значит, большинство родителей считает, что уроков истории, литературы, обществоведения достаточно для того, чтобы воспитать гражданина, чтоб вырастить миролюбивого, а их вмешательство, мол, ни к чему. Не потому ли ребята скорее доверяются незнакомым людям, в которых чувствуют понимание, чем родителям?»

Не случайно ТЮЗ уже несколько лет продает абонементы для родителей с детьми, зовут взрослых в театр: чтоб они не встречали детей после спектакля, а вместе смотрели его. Кино, книги, телеспектакли — вся жизнь с ее сложными проблемами — все это дети остро восприимчивы, а в нее живо реагируют, а мы? Всегда ли мы рядом, всегда ли мы помогаем им понять окружающую жизнь, всегда ли стремимся разделить их тревоги и открытия?

«Этот спектакль («Остановите Малахова»), по-моему, пронаизв мыслью: почему мы так хорошо видим то, что далеко от нас, а к тому, что близко, остаемся слепы?» — пишет пятнадцатилетний тюзовский зритель.

«Действительно, почему? Трудный вопрос. Но ответить на него необходимо и для нас, и для них — наших детей».

П. СОЛОВЕВ